

CONSILIUМ COERCENDI INTRA TERMINOS IMPERII

(к проблеме преемственности европейской политики
Августа и Тиберия)

Можно с уверенностью утверждать, что в последние десятилетия Римской республики ее внешняя политика была подчинена внутривластным целям и была в достаточной степени персонифицирована: достаточно вспомнить финал III Митридатовой войны и соперничество Помпея с Лукуллом, галльские войны Цезаря, злосчастный парфянский поход Красса и немногим более удачный — Антония, иллирийскую кампанию Октавиана и его во всеуслышание объявленное, но так никогда и не осуществленное намерение совершить экспедицию в Британию (опять-таки не *rei publicae causa*, а чтобы совершить нечто сопоставимое с деяниями Юлия Цезаря, как на это указывает Дион Кассий — XLIX.38.2).

Когда Октавиан добился окончательного успеха в борьбе за власть, он унаследовал от Республики и своих менее удачливых соперников целый комплекс проблем, в том числе и внешнеполитических. Решать их было необходимо, причем безотлагательно, так как именно победы над внешним врагом могли послужить наиболее эффективным (и эффективным) оправданием его единоличного господства. Следовательно, по крайней мере до тех пор, пока не была выстроена система, вошедшая в историю под именем принцепата, римские войска под ауспигиями «сына божественного Юлия» должны были одерживать победу за победой.

Поэтому неудивительно, что после окончания гражданских войн Рим развывает буквально лихорадочную военную активность едва ли не по всему периметру своих границ. Это тем более примечательно, если сопоставить происходившее в 20-е гг. до н. э. с тем, как вел себя новый повелитель Рима немногими годами ранее по отношению к главной «головной боли» на Востоке — Парфии. Когда в разгар последней кампании гражданской войны появилась уникальная возможность для римского вмешательства в парфянскую междоусобицу на стороне либо царя Фраата IV, либо претендента на парфянский трон Тиридата, Октавиан предпочел ее пренебречь. Позднее, когда победителем вышел Фраат, Октавиан оправдывал крайнюю занятостью свое игнорирование его просьбы о помощи.

Когда же озабоченность внутренними делами несколько ослабла (в действительности это была не более чем передышка — политическая ситуация в Риме 20-х гг. оставалась достаточно напряженной), пришел черед дел внешних. С 27 по 20 гг. до н. э. было выдвинуто пять внешнеполитических проектов (британский, испанский, парфянский, арабийский и эфиопский); неосуществленными из них остались два — британский и парфянский.

Если дело с Британией вновь, как и в 35 г., не вышло за рамки громких деклараций, то парфянский проект, пожалуй, правильнее назвать осуществленным, хотя и в «усеченном» виде: вместо утверждения на парфянском троне

римского ставленника пришлось ограничиться компромиссом, с римской стороны заключавшихся в отказе от поддержки Тиридата, а с парфянской — в выдаче трофейных римских знамен и пленных, оставшихся от поражений Красса и Антония.

Аравийская экспедиция завершилась провалом (прежде всего из-за плохой организации), военные действия в Эфиопии были свернуты после того, как в них миновала необходимость. Таким образом, только испанская война Августа принесла конкретные и долговременные результаты — завоевание Кантабрии и Астурии, т. е. полное подчинение Пиренейского полуострова власти римлян.

Следует обратить внимание на то, что европейская составляющая действий Августа на внешнеполитической арене тогда была достаточно скромной — одна пятая. Однако первый период, который можно назвать временем экспериментов, завершился, и итоги его Август подвел в письме сенату, которое Дион Кассий (LIV.9.1) датирует 20 г. до н. э.: в нем император обосновывал нецелесообразность новых территориальных захватов. На практике это означало перенос центра тяжести римской внешней политики с Востока на Запад: Рим разворачивался лицом к Европе, и последней это не сулило ничего хорошего. Если на Востоке впредь приоритет действительно отдавался дипломатическим методам, которые, впрочем, не исключали и силового давления, но в масштабах ограниченных, исключавших перерастание в большую войну, то Запад становился ареной грандиозных завоевательных кампаний.

Г. Добеш считает «отцом европейской политики Рима» Юлия Цезаря, так как именно он ориентировал Рим, до него бывший исключительно средиземноморской державой, на Европу. По мнению исследователя, европейские планы Августа являлись редуцированной копией подобных же планов Цезаря¹. Здесь следует добавить, что Август вплотную занялся Европой только после того, как убедился в бесперспективности (подчеркнем — на данный момент) новых завоеваний на Востоке.

Следующий период, начавшийся после заключения римско-парфянского соглашения 20 г. до н. э., можно назвать «пятилетней стратегического планирования». Крупных завоеваний в это время не было, римляне ограничивались подавлением восстаний (Испания, Фракия) и отражением варварских вторжений (Рейн и Дунай). Однако именно тогда была задумана и осуществлена военная реформа, завершившая процесс становления профессиональной армии, и проведена огромная подготовительная работа, которая заключалась в обеспечении спокойствия на Востоке (миссия Агриппы) и создании стратегических предпосылок для грандиозных завоеваний в Европе. Вполне вероятно, что именно в это пятилетие был обобщен опыт античных картографов и создана знаменитая «карта Агриппы» — своего рода программа-максимум будущего *orbis Romanus*.

Чего же добивались римляне? Программа Августа была, думается, основана на двух незамысловатых постулатах, сформулированных Титом Ливием и

¹ Dobesch G. Europa in der Reichskonzeption bei Caesar, Augustus und Tiberius // AArch. 1989. Т. 41. Fasc. 1—4. S. 53—59.

Вергилием² и получивших широчайший общественный резонанс. Согласно первому автору, «политическое завещание» Ромула обещало, что в мире нет сил, способных противиться римскому оружию: *nullas opes humanas armis Romanis resistere posse*. Вергилий утверждал: власти Рима не будет конца ни в пространстве, ни во времени (*imperium sine fine*). Августу оставалось «лишь» воплотить эти пункты в жизнь.

Двадцатые годы были временем, когда весь обитаемый мир был завоеван Римом или подчинен ему иными средствами, но главным образом на словах. Однако разрыв между словом и делом, сколько бы он ни прикрывался прочувствованными сентенциями о беспрекословном подчинении самых отдаленных племен малейшему мановению руки Августа, не мог оставаться вечно. Действительность временами напоминала о себе достаточно болезненным образом. Так, в 16 г. до н. э. германское племя сугамбров вторглось в римскую Галлию, разбило выступившие им навстречу римские войска под командованием Марка Лоллия, захватив при этом орла и значки V легиона, и беспрепятственно вернулось за Рейн. Это был чувствительный удар по самолюбию Августа: не случайно Светоний констатировал, что это поражение принесло «больше позора, чем урона» (*Suet. Aug. 23.1*). Если учесть огромную протяженность римских границ, радикально решить «варварскую проблему» можно было только одним способом — ликвидировав «варварскую зону» полностью, т. е. завоевав всю остальную ойкумену. Как известно, вплоть до наших дней ни одному завоевателю (из тех, кто задавался этой целью), от Александра до Гитлера, решить эту задачу не удалось — она из тех, что принято именовать бредовыми, маниакальными и т.п.

Однако нельзя мыслить современными категориями, в том числе и геополитическими, становясь на место Августа и его окружения. Для них ойкумена ограничивалась лишь тремя материками Старого Света, точнее, их более известными античным путешественникам и географам частями: Западной, Центральной и Южной Европой (Северная и Восточная были известны гораздо хуже), Западной и (отчасти) Южной Азией и Северной Африкой. Таким образом, Средиземноморье, уже подвластное римлянам, занимало центральное место на «земном круге», а покорение остальных обитаемых земель казалось вполне посильной задачей.

Самое мирное пятилетие принципата Августа быстро подошло к концу и плавно переросло в первый этап больших европейских войн. Кампанией 16—15 гг. до н. э. был полностью покорен альпийский горный массив. Тем самым Рим решил сразу две стратегические задачи — обеспечение коммуникаций между рейнской и балканской войсковыми группировками и выход к «мягкому подбрюшью» пока еще свободной Германии. То и другое создавало целый набор стратегических возможностей для римского военного командования, и впоследствии некоторые из них были реализованы.

---

² *Liv. I.16.7; Verg. Aen. I.239 sq., 283, 286; VI.782 sq., 795 sqq., 851 sqq.; VII.99 sqq., 257 sq.*

Три года, с 16 по 13 гг. до н.э. оба некоронованных властителя Рима, Август и Агриппа, провели вне столицы — первый вместе со своим пасынком Друзом находился в Галлии, второй в восточных провинциях. Разумеется, дело было не в обуявшей вдруг обеих друзей страсти к путешествиям — эти годы были заняты напряженной подготовкой к войне, включавшей в себя ее всестороннее обеспечение, в том числе и дипломатическое (главным образом на Востоке). Завершилось это трехлетие военной реформой, которая сделала омоложенную римскую армию полностью готовой к действиям.

Следующие три года были временем интенсивных военных усилий за Рейном и в бассейне Дуная. В результате Германия между Рейном и Эльбой была сочтена покоренной, завоеван был весь север Балканского полуострова и, казалось, после соответствующей подготовки должен был последовать новый мощный рывок. Жизнь, однако, распорядилась иначе: в 9 г. до н. э. погибает Друз, галльское наместничество вместе с германским командованием передается его старшему брату Тиберию, который три последующих года занимался устройством покоренной территории и, по словам Веллея Патеркула, офицера его штаба, почти завершил подготовку ее провинциального статуса (*Vell. II.97.4*). Однако затем Тиберий удаляется в изгнание на Родос, вначале добровольное, а затем и вынужденное; в германских делах наступает долговременная пауза. Выяснение ее причины проливает свет на цель не только германской политики Августа, но и его внешней политики вообще.

Еще в 12 г. до н. э. римский флот под командованием Друза совершил океанское плавание, достигнув северной оконечности Ютландии и даже попытавшись продвинуться дальше, чему, похоже, помешали погодные условия — наступила осень и приближалась зима. Говоря военным языком, это была рекогносцировка, которая намечала границу будущего театра военных действий. Римляне узнали от своих информаторов, что представшее их взорам море (поскольку плавание было каботажным, они наверняка увидели Балтику) простиралось вплоть до Скифии, уже им знакомой. Через нее путь вел к Каспийским воротам (Дербентский проход), открывавшим дорогу в Парфию с Севера (напомним, что Каспийское море считалось тогда заливом Океана и, следовательно, его можно было достигнуть, по тогдашним представлениям, и морским путем через Балтику).

В свою очередь, покорение Парфии открывало путь в Индию, и здесь стоит вспомнить о зафиксированных нашими источниками контактах Августа с индийскими царями³. В частности, в 20 г. до н. э. на Самос, бывший тогда резиденцией Августа, прибыло индийское посольство. Результатом переговоров было заключение военно-политического союза Рима с одним из индийских государств. Договор включал в себя обязательство индийской стороны предоставить коридор для прохода римских войск через ее территорию. От Индии до Океана на Востоке было, по римским представлениям, совсем рукой подать — о существовании могущественной империи Хань римляне, очевидно, представле-

³ См.: *Strab. XV.1.73; Dio Cass. LIV.9.8.*

ния не имели и помещали страну серов (китайцев), откуда они получали шелк, где-то в пределах территории современного Непала.

Таким образом, план покорения мира, если таковой существовал, предусматривал несколько этапов, и выход римских легионов на Эльбу и Дунай был лишь первым из них, создававшим выгодные стратегические предпосылки для нового наступления. Однако, в силу глобального характера этих замыслов, воплотить их в жизнь должен был либо сам Август, либо кто-то из «принцев» императорского дома, желательно будущий наследник принципата. Кто-либо из посторонних исключался категорически, ибо его успешные действия создали бы прямую угрозу безопасности династии.

После смерти Агриппы и Друза, отставки Тиберия оказалось, что подходящей кандидатуры у Августа просто нет, а сам он не в состоянии возглавить новый восточный поход как по возрасту и здоровью, так и потому, что трезво оценивал свои более чем скромные способности военачальника. Поэтому в реализации завоевательных планов по необходимости наступила длительная пауза — до возмужания Гая и Луция Цезарей, родных внуков и приемных сыновей Августа.

Правда, абсолютной эту паузу назвать нельзя, как нельзя и абсолютизировать известное распоряжение Августа римским полководцам не переходить Эльбу во избежание антиримского союза племен по обе стороны реки. Можно считать установленным, что этот запрет относился только к конкретной ситуации 8 г. до н. э. Во всяком случае, хорошо известно, что примерно на рубеже нашей эры легат Августа Домиций Агенобарб (сын известного республиканца и дед императора Нерона) совершил рейд в глубину германской территории. В первый и последний раз в истории римский военачальник форсировал Эльбу, заключил союз с жившими на ее правом берегу племенами и даже попытался учредить у них культ Августа. Немыслимо вообразить, что он мог нарушить приказ императора, напротив, последний был доволен деятельностью своего легата — Агенобарб получил триумфальные отличия (*ornamenta triumphalia*). Однако считать эту акцию чем то большим, чем разведка боем, нельзя: она, судя по имеющимся данным, не имела долговременных последствий, да и удалась лишь потому, что военно-политическая обстановка в Германии тогда была исключительно благоприятной и крупных военных столкновений удалось избежать.

Таким образом, в армии ждали прибытия Гая Цезаря с Востока. Но вместо него вернулась урна с его прахом, а между тем ситуация в Германии осложнилась, и даже тогда, когда вакансия главнокомандующего была заполнена новым приемным сыном Августа — его (прежде опальным) пасынком Тиберием — тому пришлось, прежде чем браться за глобальные планы, подавлять мощное восстание германских племен. Ситуация стабилизировалась лишь в 5 г., когда сухопутная армия и флот, пересекший Северное море, соединились на Эльбе. Уверенность римлян в своей силе была убедительно продемонстрирована тем, что вся армия провела зиму 4/5 гг. в военных лагерях за Рейном (обычно между Рейном и Эльбой на зиму оставались только гарнизоны, а основные силы отводились на базы по рейнскому левобережью, созданные еще Друзом).

В 6 г. после продолжительной паузы римляне возобновили дальнейшее завоевание Европы. Единственным серьезным противником в центре континента они считали царя маркоманнов Маробода, который, уведя свое племя из пределов досягаемости римского оружия, в пределах современной Чехии создал мощное племенное объединение и тренировал армию по римскому образцу, хотя ничем не обнаруживал враждебных по отношению к великому соседу намерений.

Кампания против Маробода была разыграна по классическим канонам стратегии: одна римская войсковая группировка под командованием самого Тиберия двинулась из Иллирика на северо-запад, вторая группа легионов, руководимая Сентием Сатурнином, выступив из легионных лагерей на Верхнем Рейне, прорубалась через Герцинский лес в юго-восточном направлении. Оба они должны были соединиться в заранее назначенном пункте и дать вождю маркоманнов генеральное сражение, которое сделало бы римлян, по их мысли, полными хозяевами Европы.

До противника оставалось всего три дневных перехода, когда кампанию пришлось срочно свернуть, а с Марободом заключить мир — грянуло Великое иллирийское восстание, которое не только поставило под вопрос дальнейшее осуществление внешнеполитической программы Августа, но и представляло непосредственную угрозу Италии и столице империи: сам Август заявил в сенате, что, если не принять надлежащих мер, неприятель через десять дней будет стоять под стенами Рима. Практически это было признание в банкротстве глобальной политики.

Если верить Светонию (Tib. 16.2), император был готов отказаться от борьбы с восставшими и отозвать Тиберия из Иллирика, но тот понимал ситуацию лучше, и, в конечном счете, путем максимального напряжения сил, римлянам в течение трех лет удалось справиться с инсургентами, превратив охваченные восстанием области в безлюдную пустыню. Однако это дорого обошлось и самим римлянам: их армия понесла крупные потери, в результате ее качественный состав, как это признал сам Август в письме к Тиберию, резко ухудшился.

Летом 9 г. были уничтожены последние очаги Великого иллирийского восстания, но долго почивать на лаврах римлянам не пришлось — через три недели после получения радостных для них известий из Иллирика пришло сообщение об уничтожении за Рейном трех легионов — красы и гордости римской армии — во главе с легатом Августа Публием Квинтилием Варом. Таким образом, в течение нескольких дней были потеряны плоды двадцатилетних военных усилий Рима в Германии. Здесь не место углубляться в причины потери зарейнской Германии, укажем только, что она оказалась необратимой.

Именно после этого события — очередного удара, который должен был выдержать престарелый Август — и последовал его знаменитый совет преемнику, содержащийся в опубликованном посмертно отчете о состоянии Римской державы: впредь придерживаться существующих границ (*consilium coercendi intra terminos imperii*) (Tac. Ann. I.11.4)

Однако правление Тиберия — внешне в полном противоречии с этой рекомендацией — началось серией массированных римских вторжений в глубину германской территории. Выход из этого очевидного противоречия обычно усматривают в приписывании инициативы германских походов 14—16 гг. римскому наместнику Галлии и командующему Рейнской армией Германику, племяннику и приемному сыну Тиберия.

Не вдаваясь в анализ династической ситуации начала принципата Тиберия, укажем, что в данном случае инициатором эскалации римско-германского конфликта был не Германик и даже не Тиберий — сам Август в 13 г. отозвал с Рейна своего опытного и осторожного пасынка, заменив его молодым, горячим и увлекающимся Германиком. Если учесть размах военных предприятий начала принципата Тиберия, то становится очевидным, что фундаментальная подготовка проводилась задолго до их начала. Таким образом, получается, что *consilium* Августа загадочным образом игнорировал Германию.

Чтобы понять, что же происходило на северной границе империи в 14—16 гг., надо учитывать, что территория между Рейном и Эльбой уже была официально включена в состав Римского государства в 8 г. до н.э., когда был проведен целый комплекс праздничных мероприятий, включавших в себя, в частности, переименование месяца секстилия в август и перенос померия — на последнее имел право лишь тот, кто расширил территорию державы. Таким образом, Германия уже находилась *intra terminos imperii*, и в отношении правовом восстание германцев ничего не меняло — временно утраченную территорию, естественно, необходимо было вернуть, а за «вероломное уничтожение войска римского народа» (*Tabula Siarensis*)⁴ — отомстить.

Так как принципат Тиберия по всем основным параметрам являлся продолжением принципата Августа, и второй римский принцепс, по сути дела, так и не вышел из тени своего великого предшественника, то он унаследовал и ту задачу, которую Август не успел решить. Этому способствовало и настроение армии (или как минимум офицерского корпуса), привыкшей побеждать и отнюдь не намеренной ограничиться обороной по Рейну (менталитет «линии Мажино» был глубоко чужд римлянам того времени⁵). Если Тиберий, знавший Германию как никто, и сознавал невыполнимость поставленной Августом задачи, то у него все равно не оставалось иного выхода, как только приступить к ее решению.

Здесь существовал еще один деликатный момент: все хорошо знали, что сохранением своей власти осенью 14 г. Тиберий был обязан в первую очередь Германику, который тогда проявил безукоризненную лояльность, отказавшись принять императорскую власть из рук мятежных легионов, а теперь разделял мнение своего штаба, считавшего отвоевание Германии хотя и трудной, но все же вполне выполнимой задачей. Император должен был считать своим мораль-

⁴ Lebek W. D. Die drei Ehrenbögen für Germanicus: Tab. Siar. frg. I.9—34; CIL VI 31199 a 2—17 // ZPE. 1987. Bd. 67. S. 133. Lin. 13—15.

⁵ Wells C. M. The German Policy of Augustus. An examination of the archaeological evidence. Oxf., 1972. P. 246 f.

ным долгом отплатить племяннику той же монетой, позволив ему действовать так, как тот считал нужным.

Правда, сам характер римских походов позволяет усомниться в том, что они всерьез ставили перед собой целью возврат всей территории между Рейном и Эльбой. Похоже, массированные вторжения, мало напоминавшие медленное, методичное сдавливание железных тисков вокруг основных очагов Иллирийского мятежа, были рассчитаны прежде всего на уничтожение живой силы противника, но не на постепенный, шаг за шагом, возврат утраченной территории. Походы Германика в 14–16 гг. очень напоминают аналогичные предприятия его отца в 12–9 гг. до н. э., когда, по остроумному выражению Э. Грюна, «германцы были скорее напуганы, чем покорены»⁶.

Лишь после трех лет напряженных военных усилий, которые так и не принесли желаемого результата, Тиберий счел себя вправе отозвать Германика с Рейна, чтобы отправить на Восток. Империя была вынуждена остановиться в своем наступлении на Европу.

Означало ли это, что рекомендация Августа, которая некоторыми исследователями понимается как «предписание прекратить поиск новых друзей и врагов»⁷, выполнена и Рим начал воздвигать глухую стену между собой и европейским варварским миром? Справедлива ли характеристика Тацита, с отчетливо уловимым презрением назвавшего Тиберия «принцепсом, пренебрегавшим расширением пределов державы» (*princeps proferendi imperii incuriosus* — Ann. IV. 32. 2)?

На эти вопросы есть все основания ответить отрицательно. Может быть, сам Тиберий и считал переход к стратегической обороне по всему периметру римских границ оптимальным вариантом, подчиненным принципу максимальной экономии сил, которые были истощены десятилетиями непрерывных войн. Но открыто обнародовать новую внешнеполитическую доктрину он был не в состоянии — это еще более усугубило бы его возрастающую непопулярность.

Кроме того, к подобному крутому повороту не была готова и римская военная организация, выпестованная Августом именно для целей наступательной войны вплоть до края ойкумены. Поэтому никакой радикальной перестройки не произошло, Рим ограничился лишь приостановкой военной активности в Европе, отдав предпочтение иным методом, предполагавшим действия *plura consilio quam vi* (Tac. Ann. II.26.3). Иначе говоря, на смену «дипломатии легионов» пришла дипломатия тайная, основной целью которой стало разрушение периодически возникавшей в варварском хинтерланде прямой или потенциальной угрозы римским интересам.

---

⁶ Gruen E. S. The Imperial Policy of Augustus // Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and his Principate. Berkeley etc., 1990. P. 406.

⁷ Князев П. А. Внутренняя и внешняя политика Рима в период принципата Тиберия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. С. 15.